

Оригинальная статья / Original article

УДК 355.40 (47:51) (091)

<http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2017-4-134-144>

КОНТРАЗВЕДЫВАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОСОБОГО ОТДЕЛА ИРКУТСКОГО ГУБЕРНСКОГО ЖАНДАРМСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

© Т.В. Федорова, А.В. Степанов

Иркутский государственный университет,

Российская Федерация, 664003, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1.

Аннотация. Решение главной задачи обеспечения системы безопасности Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. заключалось в защите базовых основ государственного устройства, охране приграничных территорий, а также в формировании стратегии борьбы с иностранными спецслужбами. Учитывая высокое значение Иркутской губернии как особого плацдарма в условиях взаимодействия со странами Дальневосточного региона, которые видели в Восточной Сибири фундамент для ведения боевых действий с центральной Россией, здесь были сформированы структуры противодействия военному шпионству, такие как подразделения Отдельного корпуса жандармов, губернские жандармские управления, а с 1911 г. особые контрразведывательные отделения.

В данной статье на основе архивных материалов анализируется роль особого отдела Иркутского губернского жандармского управления в деле борьбы со шпионажем на территории Восточной Сибири во второй половине XIX – начале XX в., раскрываются методы и формы контрразведывательной работы.

Ключевые слова: контрразведка, шпионаж, агентурная сеть, надзор, губернское жандармское управление, отдельный корпус жандармов, особый отдел, система государственной безопасности, Первая мировая война, Иркутская губерния.

Формат цитирования: Федорова Т.В., Степанов А.В. Контрразведывательная деятельность особого отдела Иркутского губернского жандармского управления во второй половине XIX – начале XX века // Известия Лаборатории древних технологий. 2017. Т. 13. № 4. С. 134–144. DOI: 10.21285/2415-8739-2017-4-134-144

COUNTERINTELLIGENCE ACTIVITIES OF THE DEPARTMENT OF THE IRKUTSK PROVINCIAL GENDARMERIE MANAGEMENT IN THE SECOND HALF OF XIX – EARLY XX CENTURY

© T.V. Fedorova, A.V. Stepanov

Irkutsk State University,

1 Karl Marx Str., Irkutsk 664003, Russian Federation

Abstract. The solution of the main task of providing a security system of the Russian Empire in the second half of 19th – the beginning of the 20th century consisted in protection of main bases of state system, protection of border territories and in formation of strategy of fight against foreign intelligence agencies. Given the high importance of the Irkutsk province as a special springboard in the context of interaction with the countries of the Far Eastern region, who saw in Eastern Siberia the foundation for conducting military operations with central Russia, there were formed structures of counteraction to military espionage, such as units of the Independent corps of gendarmes, provincial gendarmerie departments, and since 1911 special counterintelligence departments.

In this article, on the basis of archival materials the role of special department of the Irkutsk provincial gendarme management in fight against espionage in the territory of Eastern Siberia in the second half of 19th – the beginning of the 20th century is analyzed, methods and forms of counterintelligence work are disclosed.

Keywords: counterintelligence, espionage, agent network, supervision, provincial gendarmerie Department, separate gendarmes corps, special Department, state security system, First World War, Irkutsk province

For citation: Fedorova T.V., Stepanov A.V. Counterintelligence Activities of the Department of the Irkutsk Provincial Gendarmerie Management in the Second Half of XIX – Early XX Century. Journal of Ancient Technology Laboratory. 2017. Vol. 13. No. 4. Pp. 134–144. (In Russian) DOI: 10.21285/2415-8739-2017-4-134-144

В начале XXI в. в России и на мировой арене начали происходить глобальные изменения, которые оказывают значительное влияние не только на политическое, экономическое и социальное развитие государств, принимающих в этих процессах непосредственное участие, но и втягивают в свою орбиту противоборствующие стороны различных спецслужб стран-участников. Рост терроризма, активизация не только в странах ближнего и дальнего зарубежья сепаратистских сил в лице усиливающейся оппозиции, рост протестного движения в обществе в целом свидетельствуют об определённом сходстве ситуации в дореволюционной и современной России. Действия организаций, стремящихся к насильственным изменениям порядка управления и основ государственного строя, представляют угрозу устойчивости государственной системы. Не меньшая опасность стабильности развития страны исходит и от действий иностранных спецслужб и организаций, направленных на нанесение ущерба Российской Федерации.

При анализе историографии деятельности органов контрразведки на территории Иркутской губернии было обнаружено, что период второй половины XIX – начала XX в., оказался наименее изученным. Имелся лишь ряд публикаций, но в целом, фундаментальных работ по исследованию системы создания и функционирования контрразведывательных отделений (КРО), их методов работы на территории Восточной Сибири крайне мало для всестороннего анализа проблемы. До 1917 г. работа российских КРО изучалась крайне редко, что, в свою очередь, было связано с особым режимом секретности их функционирования, а об их функционировании на территории Иркутской губернии не писалось вообще. Первые работы, касающиеся деятельности контрразведывательных отделений, вышли в период реформы этой службы с созданием в 1911 г. общероссийской сети контрразведки. Именно тогда и потребовалась теоретическая база для их функционирования. В результате была издана работа В.Н. Клембовского (Клембовский, 1911), раскрывающая основы борьбы с военным шпионажем, а в начале Первой мировой войны и А.С. Резанова (Резанов, 1914), основанная на противодействии немецким шпионам. Частично и дос-

таточно поверхностно о представителях контрразведки писали исследователи структуры губернских жандармских управлений и департамента полиции, которые до указанной выше реформы занимались не только своими прямыми обязанностями по поимке уголовных и политических преступников, но и борьбой со шпионажем. К подобного рода исследованиям можно отнести труд М.К. Лемке (Лемке, 1920), рассматривающий этапы развития органов государственной безопасности в России. Но стоит отметить, что эти издания предназначались лишь для служебного пользования представителей органов государственной безопасности, и широкому кругу исследователей долгое время не были доступны.

Примечательно, что в советский период и сохраняющаяся долгое время сложилась своеобразная специфика, в которой процесс функционирования КРО не рассматривался, а лишь упоминался вскользь. Особенно слабо освещалась деятельность региональных контрразведывательных отделений, поскольку информация о сущности преобразований в этот период затенялась сведениями, связанными с революционными событиями. В этом ряду особенно выделяется издание, выпущенное под контролем разведуправления Штаба Рабоче-крестьянской Красной Армии (РККА). Это вышедший в 20-е гг. двухтомный фундаментальный труд о деятельности агентурной разведки в царской России, представленный К.К. Звонаревым (Зайгэне), который был издан в 1929–1931 гг. «Для служебных целей» (Звонарев, 1929). В связи с созданием в советский период новых органов надзора вопросу контрразведывательной деятельности губернских жандармских управлений (ГЖУ) долгое время не уделялось должного внимания. И лишь со второй половины 70-х гг. появляется научная публикация Б.Н. Венедиктова (Венедиктов, 1976) по истории функционирования русской контрразведки в дореволюционный период, ценностью которой является то, что автор осветил нормативно-правовую базу функционирования КРО, а также раскрыл, хотя и кратко, их структуру.

Особый интерес исследователей к вопросам контрразведки начал возникать лишь с конца 90-х гг. XX в., что, в свою очередь, связано со сняти-

ем грифа секретности со многих архивных документов. В результате научному сообществу был представлен ряд исследований А.А. Здановича (Зданович, 2004) и Д.В. Максимова (Максимов, 2006), которые раскрывают эволюцию системы контрразведки как в дореволюционный, так и в советский периоды. Работа И.В. Деревянко (Деревянко, 2005) характеризует деятельность и структуру спецслужб дореволюционной России периода Русско-японской войны 1904–1905 гг. В ней автор, опираясь на многочисленные архивные документы, рассматривает вопросы функционирования и структурирования системы контрразведывательных подразделений. Региональная специфика исследования контрразведывательных отделений и их роль в политической системе государства отражена в трудах: Е.В. Добычиной (Добычина, 2000), А.Н. Качкина (Качкин, 2013), Н.С. Кирмель (Кирмель, 2001), Б.А. Старкова (Старков, 2006) и др. Функционирование КРО Иркутской губернии рассматривается в исследовании А.А. Иванова «Иркутские жандармы» (Иванов, 2009).

За последние годы количество работ и научных публикаций в этом направлении увеличивается по сравнению с советским периодом истории, вместе с тем на сегодняшний день вопрос контрразведывательной деятельности особого отдела Иркутского губернского жандармского управления во второй половине XIX – начале XX в. изучен неравномерно и, в целом, недостаточно.

Важное место в источниковой базе нашего исследования занимают материалы Государственного архива Иркутской области (ГАИО), фонды: 25 (Канцелярия Иркутского генерал-губернатора) и 600 (Иркутское губернское жандармское управление), которые содержат материалы переписки и ведения следственных дел о шпионаже граждан Китая, Японии, а также Америки, Германии и других государств как в пользу своих стран, так и в пользу Германии в период Первой мировой войны. В предложенной статье сделана попытка изучения деятельности российской контрразведки на территории Иркутской губернии на основании архивных сведений, впервые вводимых в научный оборот.

«Тайная деятельность государств друг против друга существовала всегда. Но только во второй

половине XIX – начале XX в. спецслужбы получили окончательные и рельефные, четко очерченные структурно-организационные построения, утвердились и закрепили за собой место в политической системе государства, сложились и оформились общие закономерности их существования и развития» (Шаваев, 2003. С. 15).

Наибольшие потрясения в данный период выпали на долю спецслужб, российской контрразведки. Во второй половине XIX в. в связи с изменениями геополитической ситуации значительно возросла роль деятельности органов государственной безопасности в восточных районах империи. Российская контрразведка постепенно стала превращаться в самостоятельный вид государственной деятельности, потребовавший разработки и принятия комплекса организационных, правовых, финансовых и иных мер долгосрочного характера. Встала проблема подготовки и закрепления профессионально обученных кадров (Канунников, 1994. С. 33–34).

Иркутская губерния Российской империи по своему географическому и стратегическому положению довольно часто привлекала внимание иностранных спецслужб и, в первую очередь, таких государств как Япония и Китай, а после начала Первой мировой войны и Германии. Это было связано, во-первых, с близостью ее южных границ с Китайской империей (Монголия), во-вторых, с военно-стратегическим значением данной территории в отношении восточной политики Российской империи, а в-третьих, с 1914 г. именно Иркутская губерния стала плацдармом для ссылки большого количества германских, австро-венгерских военнопленных, а также военнопленных тех государств, которые являлись союзниками Германии в этой войне, которые вели активную подрывную деятельность в пользу противников России.

Следует отметить, что в экономическом и мобилизационном отношении Иркутская губерния представляла собой достаточно важную составляющую для укрепления позиций противника в случае ведения боевых действий на территории Восточной Сибири. Иркутским генерал-губернатором А.Н. Селивановым в 1908 г. в отчете на имя его императорского величества отмечается

особое значение Иркутского генерал-губернаторства как пограничного края. «С присоединением Забайкальской области к Иркутскому генерал-губернаторству, вверенный мне край соприкасается с Китаем почти на 3 тыс. верст. Замечающееся пробуждение Китая и энергичные меры китайского правительства к укреплению своего влияния в Монголии придают Иркутскому генерал-губернаторству, как сопредельному с Китаем краю и возможному в будущем театру военных действий, исключительно важное положение» (ГАИО. Ф. 25. Оп. 12 доп. Д. 130. Л. 5).

Противостоять же подобной угрозе государственной безопасности страны должны были созданные в 1911 г. после проведенной реформы контрразведывательные отделения (КРО), а в дореформенный период особые отделы губернских жандармских управлений (ГЖУ). Иркутское ГЖУ, созданное еще в 30-х годах XIX в., практически весь период своего существования занималось контрразведывательной деятельностью. Это связано с тем, что в губернии наибольшую активность во второй половине XIX – начале XX в. получила японская шпионская агентурная сеть, которая усилила свою активность после Русско-японской войны. Об этой проблеме достаточно четко говорится в докладе начальника Иркутского ГЖУ директору Департамента полиции в апреле 1908 г., из которого следует что: «Вслед за прекращением военных действий на Дальнем Востоке стал замечаться наплыв в виде врачей, фотографов, прачечников в главных городах Приамурского и Иркутского генерал-губернаторств. По имеющимся данным, многие из японцев только прикрываются указанными профессиями, в действительности же занимаются систематической военной разведкой» (ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. Д. 142. Л. 31). Наибольший интерес среди представителей иностранных спецслужб вызывала Амурская, Сибирская, Китайско-Восточная железные дороги и их инфраструктура.

После проведения реформы в системе государственной безопасности Российской империи были созданы контрразведывательные отделения, в том числе и в Иркутской губернии. Штат КРО здесь формировался из офицеров отдельного корпуса жандармов на основе приказа по корпусу, в

котором говорилось следующее: «Признано желательным, чтобы начальники контрразведывательных отделений преимущественно назначались из помощников начальников этих отделений, числящихся в отдельном корпусе жандармов; в случае неимения соответствующих кандидатов из числа последних, начальники контрразведывательных отделений избираются начальником Генерального Штаба из числа рекомендованных командиром отдельного корпуса жандармов офицеров этого корпуса» (ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 305. Л. 16–16 об.). В результате в 1911 г. шефом иркутской контрразведки стал жандармский ротмистр А.И. Куприянов, служивший прежде в районном охранном отделении.

Система работы Иркутского ГЖУ и контрразведывательного отделения непосредственно отражена в секретных донесениях, рапортах, докладах, секретных шифрованных телеграммах, а также журналах и материалах допросов граждан, подозреваемых и уличенных в шпионаже в пользу иностранных держав. Деятельность и методы работы Иркутских контрразведчиков как нельзя ярче отражены в материалах дел и секретной переписке.

Наибольшую активность здесь развернули агенты Китая и Японии, из которых последние имели не только в Сибири и на Дальнем Востоке, но и в центральной части Российской империи разветвленную агентурную сеть, в которую входили, кроме разведочных бюро, также дома терпимости, булочные, часовщики, доктора, фотографы, да и сами японские общины активно работали по сбору информации в пользу своей страны. В секретном донесении отдельного корпуса жандармов ротмистра Зелийского на имя Иркутского губернатора за № 5502 от 19 сентября 1913 г. сообщалось, что «15 сего сентября начальник Иннокентьевского отделения жандармского полицейского управления сибирской железной дороги арестовал по подозрению в военном шпионстве китайских подданных Ма-си-цзы и Цао-ти-чжана. В отобранных у китайца Ма-си-цзы вещах были обнаружены «фотографическая карточка, на которой он снят в форме китайского офицера и русско-китайский словарь военного характера» (ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 684. Л. 1–1 об.). У второго китайца при себе имелось

значительное количество писем на китайском языке.

Стоит отметить, что наибольшую бдительность в деле выявления угрозы государственной безопасности страны проявил отдельного корпуса жандармов ротмистр Попов, из секретного донесения которого начальнику Иркутского губернского жандармского управления от 1 октября 1913 г. за № 617 следует, что «30-го минувшего сентября на станции Иркутск были задержаны китаец Сунь-Лу, он же Чжан-Фын-Сан, и ехавший вместе с последним в поезде № 5 неизвестный японец, которого находившиеся на станции чиновник для поручений Бибик и агенты наружного наблюдения признали за японца Миамура, проживавшего в г. Иркутске, проходившего по наблюдению под кличкой «Слепой» и, по агентурным сведениям, занимавшегося здесь военным шпионством» (ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 684. Л. 21). При задержании японец Миамура заявил, что он японский подданный Ямасита Катта, который имел при себе национальный паспорт за № 4059. «На японца Миамура в декабре месяце 1911 г. в отделении были получены агентурные сведения, указывающие на знакомство его с чинами военного ведомства, что в связи с указанием той же агентуры на обстановку жизни этого японца дало возможность заподозрить его в военном шпионстве» (ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 684. Л. 23–23 об.). В результате четкой и слаженной работы специалистов контрразведки удалось задержать и выслать из страны японских и китайских шпионов. Таким образом из секретных донесений контрразведчиков Особого отдела Иркутского ГЖУ Главное управление Генерального штаба, в частности отдел генерал-квартирмейстера получал полные сведения о действиях иностранных шпионов в регионе, статистические данные и характеристики сведений, которые стремилась получить тайная агентура зарубежных спецслужб, не только на прямую, но и посредством подкупа местного населения.

Эти донесения свидетельствуют о том, что были и такие представители среди не только гражданского, но и военного состава, которые шли против интересов собственного государства в угоду мимолетной наживы, при этом шпиона практически в самом военном штабе у командующего вой-

сками Иркутского военного округа. И в деле борьбы со шпионажем проявил себя младший агент Иркутского КРО Уласовец. Из срочного, совершенно секретного донесения на имя начальника Иркутского губернского жандармского управления от 8 сентября 1913 г. № 570 следовало, что 14 июня 1913 г. младший агент отделения Уласовец, находясь в наблюдении на Тихвинской улице (ныне Сухе-Батора), около 1 часа дня обратил внимание на проживающего на той же улице неизвестного японца, который все время оглядывался по сторонам. «Через несколько минут со стороны Большой улицы (ныне Карла Маркса) появился рядовой местного стрелкового полка, который, подойдя к японцу и здороваясь с ним за руку, передал последнему во время рукопожатия небольшой клочок бумаги» (ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 683. Л. 1). Уласовец находился в наблюдении один и не имел возможности проследить за обоими подозреваемыми, стал наблюдать за рядовым, нагнав которого на Большой улице, вступил с ним в разговор, спросив, не может ли он указать место расквартирования одной из рот 26-го полка (рядовой имел на погонах цифру 26), где будто бы служит его знакомый. «Рядовой ответил, что 26-й полк находится в настоящее время в лагерях. На вопрос Уласовца, почему же он проживает в городе, тот ответил, что он служит в качестве казенной прислуги у командующего войсками Иркутского военного округа. Опасаясь дальнейшими расспросами вызвать подозрение, агент, простившись с нижним чином, отпустил его на большое расстояние и взял в наблюдение, после чего установил, что означенный рядовой зашел в ворота дома командующего войсками. О выше изложенном было тотчас же доложено командующему войсками и его высокопревосходительство приказал вести дальнейшее наблюдение за Кацаном (фамилия рядового по установке)» (ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 683. Л. 1 об.). Сразу установить личность японца агент Уласовец не смог, так как через 2 дня после указанного выше случая заболел брюшным тифом и около месяца пролежал в больнице. В июле месяце того же года ротмистром Поповым были получены сведения от заграничной агентуры, что в Харбинском японском консульстве имеется доклад о поездке командую-

щего войсками Иркутского военного округа в начале июня в Манчжурию, составленный бывшим секретарем Владивостокского японского консульства Хирото-Минорием. Материалом для доклада послужили сведения данные Хирото-Минорием служащим у командующего войсками. При проверке этих сведений выяснилось, что в первых числах июня в Иркутске действительно проживал указанный выше Хирото-Минорий в гостинице «Националь», откуда он выбыл 7 июня неизвестно куда. По сведениям местной агентуры, Хирото-Минорий в течение 10 дней проживал в японской прачечной Сираиси на Графо-Кутайсовой улице. В результате за рядовым Кацаном было установлено наружное наблюдение и дана кличка «Борода». Так же было замечено, что 20-го июня он около 12 часов дня зашел в прачечную Сираиси, имея в руках небольшой сверток, завернутый в газетную бумагу. Далее агентурным путем было установлено, что Кацан вошел в соглашение с японским правительством с целью сообщать последнему секретные сведения, какие он может получить, находясь на службе у командующего войсками (ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 683. Л. 1 об., 2).

Из агентурных данных, полученных ротмистром Поповым, следует, что Кацан Тарас Васильевич – рядовой 26-го Сибирского стрелкового полка, служил в качестве казенной прислуги у командующего войсками. В результате 8-го сентября в 11 часов ночи во дворе дома, где находилась японская прачечная Сираиси (угол 4-й Солдатской (ныне улица Киевская) и Графо-Кутайсовой (ныне улица Дзержинского) была организована засада с целью ареста Кацана на месте преступления (ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 683. Л. 1–2). По постановлению ротмистра Попова Кацан был задержан в вышеупомянутой прачечной, при чем «у него была обнаружена записка: «Разведческое отделение состоит в г. Иркутске около штаба округа» и далее перечислялись фамилии офицеров разведческого отделения, записка эта бала подписана Кацаном. По объяснению последнего, записку эту он хотел продать неизвестному японцу за 100 руб., желая лишь путем обмана получить деньги, почему и поместил в этой записке вымышленные фамилии господ офицеров» (ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 683.

Л. 3). Из дальнейших материалов дела следовало, что Тарас Васильевич Кацан находился под арестом в Иркутской главной военной гауптвахте.

Следующий период развития организации контрразведки России и Сибири в том числе связан с Первой мировой войной. Начавшаяся война показала, что контрразведка мирного времени должна быть дополнена системой специальных мер и соответствующих подразделений на театре военных действий. Она высветила многие изъяны системы обеспечения безопасности, а также способствовала усилению шпионской деятельности, в том числе и на территории Иркутской губернии. Что, в свою очередь, потребовало от противодействующей ей КРО большей активизации работы в данном направлении. В результате в 1916 г. шефом иркутской контрразведки был назначен жандармский ротмистр Алексей Николаевич Луцкий (рис. 1), человек с неординарными способностями – участник Русско-японской войны, который некоторое время работал в русском посольстве в Японии и знал специфику сбора информации. Результат напрямую был виден в раскрытии дела о шпионской деятельности, о которой говорится в секретной зашифрованной телеграмме, присланной из Ташкента в Иркутск, о передвижении американских подданных, заподозренных в шпионстве.

Телеграмма была получена и расшифрована 28 июля 1916 г. (входящий журнал № 13696, дело № 118, ч. 9) из нее следует: «Сегодня скорым выехали Ташкента без наблюдения билетами до станции Манчжурия американские подданные Артур Бродлей и Александр Купер заподозренные шпионстве точка Приметы Бродлея тридцати лет выше среднего роста шатен лицо продолговатое глаза серые нос прямой тонкий носит усы бороду бреет одет серую мягкую шляпу темно-синий или белый костюм Купера 38 лет среднего роста сложения шатен лицо продолговатое глаза серые нос немного вздернут кверху бороду бреет усы подстригает носит очки черной оправе желтоватыми стеклами одет серую заклепку серый костюм» (ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 988. Л. 79). В результате слаженных действий контрразведчиков Ташкентского и Иркутского отделений удалось задержать и обезвредить военных шпионов.

В этот период проявились результаты агентурной работы отдельного корпуса жандармов во взаимодействии с гражданским и военным населением. Так из всеподданнейшей жалобы № 10 бывшего главного кондуктора пассажирских поездов Николаевской Варшавско-Венской и Балтийской линии Северо-Западной железной дороги Павла Дмитриевича Волкова, 46 лет, на имя императора Николая Александровича, полученной от 2 февраля 1917 г. по входящему журналу № 10545, следует, что на территории оружейного завода г. Черемхово работал немецкий шпион (ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 1062. Л. 1). В своей жалобе П.Д. Волков вскрывает шпионскую сеть на угольных копях и механическом заводе Щелкунова, о которой он подробно описывает, что на заводе Петра Карповича Щелкунова «изготавливаются снаряды каким-то немецким шпионом» (ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 1062. Л. 2). Волков постарался устроиться на работу на завод Щелкунова, что ему и удалось сделать 21 числа марта 1916 г., куда он и был принят в качестве денного сторожа у ворот завода. 25 марта 1916 г. в день Благовещенья пресвятой Богородицы на заводе случился пожар, о котором Волков сообщил управляющему заводом инженеру механику Николаю Васильевичу Оксаментову. Пожар удалось устранить, но выяснилось то обстоятельство, что литейный мастер, которого весь завод Щелкунова считал немецким шпионом, Антон Иванович Овсяк, занимался порчей снарядов, которые поставлялись на театр боевых действий. Установив доверительные отношения с мастером, Волков выяснил, что основной целью шпиона являлись взрывы некоторых мостов в Забайкалье. И хотя задержать шпиона не удалось, так как «Овсяк уже уехал из Черемхово неизвестно куда...» (ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 1062. Л. 2 об.). В данной ситуации наглядно видна бдительность, настойчивого жителя, патриота своей страны и как он сам указывает «Вашего императорского величества верноподданный крестьянин...Павел Дмитриевич Волков» (ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 1062. Л. 2 об.).

Кроме того, внимательным в период Первой мировой войны должен был быть не только каждый житель губернии, но и каждый военный. Так проезжавший через г. Иркутск 4 мая 1916 г. штабс-

Рис. 1. А.Н. Луцкий
Fig. 1. A.N. Lutsky

капитан Капитон Владимирович Карпенко по заявлению на имя его высокоблагородия господина начальника Иркутского жандармского губернского управления пишет следующее: «Проездом через город Иркутск зашел на Большую улицу около магазина Ощепкова в лавочку, содержащую каким-то греком, почистить сапоги. Сидело несколько прапорщиков и один юнкер, дожидавшиеся очереди. И вот я слышал, как грек (их два – один худой с повязанными зубами), худой, у которого зубы повязаны, настойчиво расспрашивал: сколько войск переправлено через Иркутск во Францию; сколько учится в военных школах прапорщиков; сколько в сутки следует поездов со скарбом далее через Владивосток. Полагаю, что это место, куда по видимому много сходится юнкеров и прапорщиков, очень вредно, особенно принимая во внимание склонность греков к шпионажу. (В Чите за ними

следят) я бы очень просил ваше высокоблагородие в интересах армии – закрывать такие лавочки или сделать внушение юнкерам и прапорщикам быть осторожными с греками» (ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 988. Л. 70–72). По донесению штабс-капитана Карпенко была проведена проверка.

Но и сами органы контрразведки не бездействовали. Выяснилось, что не гнушались шпионажем дипломаты и представители различных делегаций, в том числе и Красного Креста: американского, шведского, австрийского и датского, при этом также собирая информацию и способствуя побегам военнопленных. Из секретной телеграммы от 15 января 1916 г. следует, что делегация шведского общества Красного Креста в составе 24 человек «допущена посещению мест внутреннего водворения военнопленных для ознакомления с их нуждами и передаче доставленных из-за границы подарков. Сведениями Главного управления Генерального штаба делегация эта объезжая союзные армии старается выяснить для враждебных нам центральных держав способность к продолжительной борьбе наших боевых средств духа армии и народа и настроения...» (ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 1030. Л. 3). А несколькими днями позже, секретным донесением отдельного корпуса жандармов ротмистра Попова на имя начальника Иркутского губернского жандармского управления от 27 января 1916 г. за № 151 сообщалось о подозрительных действиях сестры милосердия австро-венгерского Красного Креста графини Ревертеры фон Саландра, основной задачей которой являлось посещение в Иркутске военного городка и казарм 28-го Сибирского стрелкового полка (рис. 2) и донесение информации о результатах своей деятельности в Красный Крест Копенгагена (ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 1030. Л. 6–6 об.).

Подобные делегации находились как под гласным надзором, то есть с сопровождающими их офицерами, так и под негласным надзором агентов и филеров КРО. Особое внимание привлекла и миссия американского Красного Креста, прибывшая в конце декабря 1915 г., которая фактически была направлена Берлином, в составе делегации большинство медицинских сестер были немками. Иркутское ГЖУ потребовало сократить сроки пре-

бывания делегации, при этом отслеживались и контакты членов миссии с военнопленными. В связи с тем, что, по мнению русского Генерального штаба, миссии вели шпионскую деятельность, под наблюдением КРО находились и члены делегаций. Интерес вызвал делегат датской миссии Отто Фогель, в ходе проверки выяснилось, что до войны он проживал в ст. Сретенской и работал пивоваром на заводе Шустова, в телеграмме подполковника Булахова отмечалось следующее: «...обращает внимания крайними симпатиями, оказанием различных услуг пленным офицерам» (ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 1030. Л. 39), а учитывая его поездку за границу, то получается буквально портрет шпиона. В результате О. Фогель был взят в оперативную обработку и под особый контроль.

В связи с историей о делегатах Красного Креста особенно показательно дело о деятельности американских сестер милосердия. Из переписки о военном шпионстве и доклада полковника Балабина от 5 февраля 1916 г. за № 39 следует: «... что подозреваемые в шпионстве в пользу Германии три американки Хейнцман, Мария Грахам и Екатерина Хетцер по имеющимся у меня сведениям, 25 или 26 января проехали через Иркутск в Китай, при чем имели при себе паспорта, визированные в городах Омск, Новониколаевск и Красноярск. За обратным въездом их в Россию наблюдение было своевременно установлено, но до настоящего времени сведений об их проезде не имеется» (ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 988. Л. 23). Следовательно, под предлогом обследования условий содержания военнопленных действовали многочисленные военные шпионы, в состав которых входили не только сестры милосердия, но и организованные группы и представители дипломатических миссий, поэтому перед Иркутским КРО стояла также задача выявления шпионской деятельности среди легальных представителей гуманитарных организаций.

Таким образом, можно сделать вывод, что контрразведывательные отделения Иркутской губернии, несмотря на ее удаленность от европейской России, являлись непосредственными участниками борьбы со шпионажем в мирное и военное время, а потому находились в самом центре внимания иностранных спецслужб. Разнообразием сис-

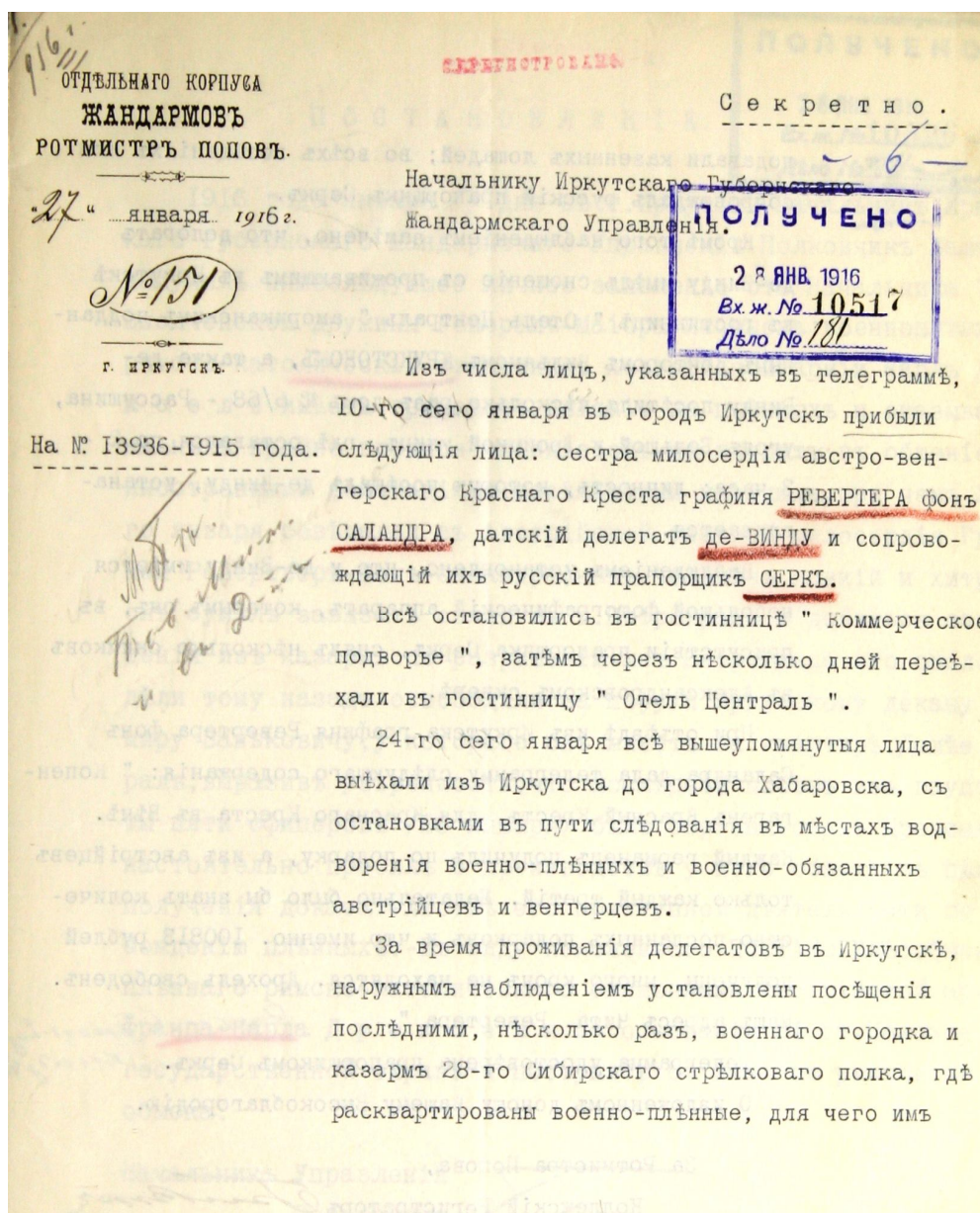

Рис. 2. Секретное донесение отдельного корпуса жандармов ротмистра Попова
 Fig. 2. A secret report of the gendarmery captain Popov

темы и методов работы контрразведывательных отделений Иркутской губернии были достаточно эффективны и плодотворны, о чем свидетельствуют многочисленные факты раскрытия дел и поимки шпионов. Во второй половине XIX – начале XX в. на территории Иркутской губернии контрразведывательной деятельностью занималось, прежде всего, губернское жандармское управление, а в последствии с 1911 г. созданное на базе отдельного корпуса жандармов контрразведывательное отделение. Следует также указать, что кадровый состав

данных органов состоял из квалифицированных специалистов, использующих такие методы работы как вербовка агентов не только из среды местного, но и иностранного населения, ведение оперативных мероприятий и слежки, получение информации от наиболее бдительных граждан, анализ прессы и т. д. Подтверждение эффективности их деятельности – многочисленные примеры поимки шпионов, раскрытия агентурных сетей как в мирный, так и в военный период времени.

Библиографический список

Венедиктов Б.Н. Органы русской военной контрразведки (1911–1917 гг.) // Труды ВШ КГБ СССР. М., 1976. № 18. С. 86–103.

Деревянко И.В. Русская разведка и контрразведка в войне 1904–1905 гг. М.: Эксмо, Яуза, 2005. 416 с.

Добычина Е.В. Русская агентурная разведка на Дальнем Востоке в 1895–1897 годах // Отечественная история. 2000. № 4. С. 161–170.

Звонарев К.К. Агентурная разведка. Т. 1. Русская агентурная разведка всех видов до и во время войны 1914–1918 гг. М., 1929. 718 с.

Зданович А.А. Отечественная контрразведка 1914–1920. Организационное строительство. М.: Крафт+, 2004. 239 с.

Иванов А.А. Иркутские жандармы // Сайт «Сибирь и ссылка» [Электронный ресурс]. URL: <http://sibir-ssylka.ucoz.com/index/stranica2/0-92> (Дата обращения 12.04.2015)

Канунников А. Военно-секретная полиция России // На боевом посту. 1994. № 4. С. 33–34.

Качкин А.Н. Борьба со шпионажем на Дальнем Востоке: Хабаровское контрразведывательное отделение и его руководители (1911–1917 гг.) // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2013. № 3. С. 167–174.

Кирмель Н.С. «...японские прачки и парикмахеры открыли... много магазинов с целью конспирации шпионской деятельности» // Военно-исторический журнал. 2001. № 3. С. 54–59.

Клембовский В.Н. Тайные разведки (военное шпионство). СПб.: Комиссионер военно-учебных заведений, 1911. 144 с.

Лемке М.К. 250 дней в царской ставке (25 сентября 1915 – 2 июля 1916 гг.). Пг., 1920. 860 с.

Максимов Д.В., Третьяков О.В. Становление органов контрразведки: 1918–1922 гг. // Вопросы гуманитарных наук. 2006. № 5. С. 20–21.

Резанов А.С. Немецкое шпионство. Пг.: Издание М.А. Суворина, 1914. 220 с.

Старков Б.А. Охотники на шпионов. Контрразведка Российской империи 1903–1914. СПб., 2006. 306 с.

References

Venediktov B.N. The bodies of Russian military intelligence (1911–1917). *Trudy VSh KGB SSSR* [Proceedings of higher school of the KGB of the USSR]. Moscow, 1976, no. 18, pp. 86–103. (In Russian).

Derevyanko I.V. *Russkaya razvedka i kontrrazvedka v voine 1904–1905 gg.* [Russian intelligence and counterintelligence in the war of 1904–1905]. Moscow: Eksmo, Yauza Publ., 2005. 416 p.

Dobychina E.V. Russian agent intelligence in the Far East in 1895–1897. *Otechestvennaya istoriya* [National history], 2000, no. 4, pp. 161–170. (In Russian).

Zvonarev K.K. *Agenturnaya razvedka. T. 1. Russkaya agenturnaya razvedka vseh vidov do i vo vremya voiny 1914–1918 gg.* [Human intelligence. Vol. 1. Russian human intelligence of all kinds before and during the war of 1914–1918]. Moscow: 1929. 718 p.

Zdanovich A.A. *Otechestvennaya kontrrazvedka 1914–1920. Organizatsionnoe stroitel'stvo* [Domestic counterintelligence 1914–1920. Organizational construction]. Moscow: Kraft+ Publ., 2004. 239 p.

Ivanov A.A. Irkutsk gendarmes. Available at: <http://sibir-ssylka.ucoz.com/index/stranica2/0-92> (Accessed April 12, 2015)

Kanunnikov A. The military secret police of Russia. *Na boevom postu* [In the line of duty], 1994, no. 4. pp. 33–34. (In Russian).

Kachkin A.N. The fight against espionage in the Far East: the Khabarovsk counter-intelligence department and its leaders (1911–1917). *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke* [Social and Human Sciences in the Far East], 2013, no. 3, pp. 167–174. (In Russian).

Kirmel' N.S. "...Japanese laundresses and barbers opened... a lot of shops to conspiracy espionage activities". *Voенно-istoricheskii zhurnal*. [Military history journal], 2001, no. 3, pp. 54–59. (In Russian).

Klembovskii V.N. *Tainye razvedki (voенное shpionstvo)* [Secret intelligence service (military espionage)]. St. Petersburg: *Komissioner voенно-uchebnykh zavedenii* [The Commission of military education institutions], 1911, 144 p.

Lemke M.K. *250 dnei v tsarskoi stavke (25 sentyabrya 1915 – 2 iyulya 1916 gg.)* [250 days at the royal rate (September 25, 1915 – 2 July 1916)]. Petrograd, 1920. 860 p.

Maksimov D.V., Tret'yakov O.V. Formation of counter-intelligence bodies: 1918–1922. *Voprosy gumanitarnykh nauk* [Questions of the humanities], 2006, no. 5. pp. 20–21. (In Russian).

Rezanov A.C. *Nemetskoe shpionstvo* [German spying]. Petrograd: Izdanie M.A. Suvorina, 1914. 220 p.

Starkov B.A. *Okhotniki na shpionov. Kontrrazvedka Rossiiskoi imperii 1903–1914* [Spy hunters. Counterintelli-

Шаваев А.Г., Лекарев С.В. Разведка и контрразведка. Фрагменты мирового опыта истории и теории. М.: Издательская группа «БДЦ-пресс», 2003. 544 с.

Список сокращений

Государственный архив Иркутской области (ГАИО).
Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).

Сведения об авторах

Федорова Татьяна Владимировна,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры востоковедения и регионоведения АТР,
Иркутский государственный университет,
Российская Федерация, 664003, г. Иркутск,
ул. К. Маркса, 1,
e-mail: tamerlan689f17@yandex.ru
Степанов Александр Викторович,
магистрант,
кафедра философии и методологии науки,
Иркутский государственный университет,
Российская Федерация, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1,
e-mail: AVstepanovAV@yandex.ru

Критерии авторства

Т.В. Федорова, А.В. Степанов выполнили исследовательскую работу, на основании полученных результатов провели обобщение, подготовили рукопись и иллюстрации к печати, имеют на статью авторские права и несут полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

gence of Russian Empire 1903–1914]. St. Petersburg, 2006. 306 p.

Shavaev A.G., Lekarev S.V. *Razvedka i kontrrazvedka. Fragmenty mirovogo opyta istorii i teorii* [Intelligence and counterintelligence. Fragments of the world experience the history and theory]. Moscow: Publishing group “BDC-press”, 2003. 544 p.

List of abbreviations

State archive of Irkutsk region (SAIR).
State Archive of the Russian Federation (SARF).

Information about the authors

Tatyana V. Fedorova,
Candidate of Sciences (History),
Associate Professor, Department of Oriental studies and regional studies, Asia-Pacific,
Irkutsk State University,
1 Karl Marx Str., Irkutsk 664003, Russian Federation,
e-mail: tamerlan689f17@yandex.ru
Alexander V. Stepanov,
undergraduate student,
Department of philosophy and methodology of science,
Irkutsk State University,
1 Karl Marx Str., Irkutsk 664003, Russian Federation,
e-mail: AVstepanovAV@yandex.ru

Attribution criteria

T.V. Fedorova, A.V. Stepanov made the research work, on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript and illustrations for publication, they owns the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.